

Фу Вэньцзе уставился на Дань Чао, и на его лице вновь появилась та крайне насмешливая улыбка, словно он высмеивал его за упорство в этом глупом вопросе.

Однако за насмешкой в его глазах постепенно проявлялось все больше искаженной, наполненной злобой горечи.

— Жалость? — хрипло повторил Фу Вэньцзе и в свою очередь спросил. — А у них была хоть капля жалости, когда они всячески притесняли Ваньцзюань? Была ли у Фу Сянжун хоть капля жалости, когда она рекомендовала моей матери того шарлатана-лекаря? Была ли хоть капля жалости у моей матери, когда она заставляла Ваньцзюань пить то зелье, превращающее девочку в мальчика?

Знаешь, зачем я использовал такой опасный и трудоемкий метод, как закладка пороха? Чтобы все видели, что ее убила небесная молния! Что деяния моей матери навлекли небесную молнию, которая и убила ее! Иначе я мог бы отравить, поджечь, подстроить убийство — разве способов убить человека мало? В этом мире полно способов убийства!

Лицо Фу Вэньцзе покраснело и исказилось, он снова разразился сильным кашлем, звук был резким и хриплым, похожим на стон, и в свете пляшущего пламени в подвале от него становилось жутко.

Дань Чао почувствовал сильную тяжесть на сердце и тихо произнес:

— Но все же это твоя родная мать...

Едва сказав это, он сам почувствовал, как беспомощны его слова.

— А что мать? В этом мире даже родные родители могут погубить своих детей, ты знаешь?! Есть жестокие, которые избивают и ругают своих детей до смерти, есть невежественные, которые балуют своих детей до смерти, а еще есть упрямые и непреклонные, которые ядом, именуемым материнской любовью, уничтожают всех вокруг своего родного ребенка, кроме себя, заставляя ребенка жить в удушье, одиночестве и отчаянии, что страшнее смерти, ты это понимаешь?!

— ...

Дань Чао слегка запыхался, затем покачал головой:

— Не знаю, я с рождения... не видел матери.

Фу Вэньцзе громко усмехнулся:

— Прекрасно, желаю тебе никогда в жизни не изведать этой пронзающей сердце, наполненной ненавистью боли!

Эти слова были явно несдержанными. Дань Чао с горькой усмешкой подумал, что это просто пустые слова: раз у меня нет матери, к чему тогда эти пожелания?

— Что, великий наставник, теперь что собираешься делать? — Фу Вэньцзе с ног до головы оглядел Дань Чао, его глаза были полны кровеносных сосудов, выражение лица было безумным и пугающим. — Ты все узнал, я здесь, ты собираешься убить меня, чтобы отомстить за тех невинно убитых, или отвести меня к властям?

— ...

Дань Чао слегка замешкался, и Фу Вэньцзе не без насмешки произнес:

— Возможно, у великого наставника тоже есть свои скрытые причины не желать обращаться к властям. Или, будучи монахом, ты не хочешь совершать убийство, поэтому не можешь убить меня собственными руками... Тогда, может, доставишь меня на поверхность, обнародуешь мои преступления, чтобы я стал изгоем в мире боевых искусств, и в будущем какой-нибудь справедливый герой, верша правосудие от имени небес, убьет меня, чтобы прославить свое имя, как насчет этого?

Дань Чао почувствовал, что это совершенно абсурдно:

— Зачем мне делать такое!

— Тогда, — усмехнулся Фу Вэньцзе, — раз ты не можешь убить меня сам и не можешь воспользоваться чужими руками... Похоже, остается просто позволить всему этому уйти в прошлое и отпустить меня спокойно уйти отсюда?

Дань Чао инстинктивно хотел возразить, но слова застряли в горле.

Он сбежал из храма Цзынь, и сейчас неизвестно, как обстоят дела в Чанъане, поэтому нельзя легко раскрывать свое местонахождение, обращаться к властям никак нельзя.

Доставить Фу Вэньцзе на поверхность и передать мастерам боевых искусств? Врата Духов и Призраков снаружи, и тогда кто кого убьет — еще неизвестно!

Фу Вэньцзе, кажется, разглядел колебания Дань Чао и с усмешкой сказал:

— Если великому наставнику трудно решиться, возможно, я предложу тебе третий вариант.

Он подошел к углу потайной комнаты, где, судя по обстановке женской комнаты, стоял туалетный столик, на нем аккуратно лежали зеркало, маленький мешочек для цветов, ларец из красного сандалового дерева и другие вещи, вероятно, принадлежавшие его покойной жене. Фу Вэньцзе, кажется, очень дорожил ими, осторожно открыл ларец, внутри которого было три яруса механизмов, сверкающие жемчуга, яшма, цветы и изумруды. На самом дне лежала квадратная коробочка из красного дерева, и когда он открыл ее, комната наполнилась необыкновенным ароматом.

В коробочке лежал цветок.

Зрачки Дань Чао слегка сузились — это был тот самый снежный лотос, который все искали!

— Если великому наставнику трудно сделать выбор, можешь отпустить меня, а затем взять этот цветок и обменять его у Врат Духов и Призраков. Хотя они и являются злым путем в мире боевых искусств, их влияние действительно велико, и они почему-то сейчас активно ищут этот цветок, способный исцелить сотню ядов. С такой картой на руках, полагаю, великий наставник сможет без труда обрести богатство и роскошь на всю оставшуюся жизнь...

Фу Вэньцзе, держа снежный лотос двумя пальцами, искоса с интересом смотрел на Дань Чао.

— Ну что, великий наставник? Яркость и великолепие этого мира можно купить только за деньги. Я вижу, ты красив и полон праведности, попробовав радостей мирской жизни, думаю,

ты больше не захочешь возвращаться к аскетичной жизни при свете масляной лампы и древних будд, как насчет этого?

В его словах сквозила насмешка, которую он даже не пытался скрыть, казалось, он был уверен, какой выбор сделает этот молодой монах.

Резкие брови Дань Чао слегка дрогнули.

С противоядием яд наследного принца из Восточного дворца можно будет легко нейтрализовать, и, возможно, храм Цыэнь сможет благополучно выйти из противостояния сил императрицы У и наследного принца.

Но этот Фу Вэньцзе...

— Чего же медлит великий наставник? А, должно быть, великий наставник, обладающий праведным сердцем, презирает эти грязные мирские вещи.

Насмешливый блеск в глазах Фу Вэньцзе мелькнул и исчез, он намеренно медленно поднес снежный лотос ко рту и с улыбкой сказал:

— В таком случае, нет смысла его хранить, лучше я сам его съем...

Дань Чао крикнул:

— Руки прочь!

Фу Вэньцзе сделал вид, что не слышит, и открыл рот, собираясь проглотить снежный лотос.

Дань Чао тут же шагнул вперед и потянулся, чтобы вырвать цветок, но у Фу Вэньцзе тоже были навыки, и он тут же увернулся. Они обменялись несколькими ударами в этой низкой потайной комнате, Дань Чао явно превосходил Фу Вэньцзе в рукопашном бою, но был скован опасением повредить цветок, несколько раз противник уклонялся, и сердце его сжалось.

Фу Вэньцзе усмехнулся:

— Отлично, видно, этот снежный лотос действительно всем нужен. В таком случае...

Дань Чао выхватил меч, все еще в ножнах, и направил острие ножен на руку Фу Вэньцзе, держащую цветок.

В этот момент Фу Вэньцзе мельком увидел длинный меч, который Дань Чао с самого начала держал в руках, и его лицо мгновенно изменилось:

— Цисин Лунъюань?!

Дань Чао не ответил, острие ножен, обойдя блок, снова направилось на снежный лотос, но Фу Вэньцзе грубо схватил цветок в ладонь и бросился отнимать меч:

— Отдай! Откуда у тебя Цисин Лунъюань?!

Такой нежный предмет, как снежный лотос, нельзя сжимать в кулаке! Зрачки Дань Чао сузились, в суматохе противник мертвой хваткой схватил ножны меча.

— Не может быть! — Фу Вэньцзе вскричал в ярости. — Какое отношение ты имеешь к Скрытым

вратам?!

Свист!

Бам!

Маленький камешек размером с ноготь прилетел со скоростью молнии, Фу Вэньцзе с криком схватился за ребра, пошатнулся и отлетел назад, выплюнув кровь!

Дань Чао замер, и слышно было, как из входа в подземный ход донесся мягкий, низкий, слегка магнетичный молодой мужской голос, в интонации которого сквозила едва уловимая, очень приятная, слегка насмешливая улыбка:

— Он не имеет отношения к Скрытым вратам, но ко мне имеет некоторое отношение.

Дань Чао медленно обернулся. В тот миг перед глазами промчались безлюдные лунные ночи и бескрайние пустыни Мобэй, пронесаясь с печальным шумом ветра, и исчезли в глубине памяти.

Невероятно знакомый и в то же время незнакомый, стройный и прямой силуэт с улыбкой стоял в полумраке неподалеку.

— ... — Дань Чао открыл рот, его голос из-за хрипоты и сдержанности звучал очень странно. — Как мне тебя называть, госпожа Лун, командующий Се, или...

— ... Учитель?

Тот силуэт шагнул вперед из темного входа в подземный ход, вошел в потайную комнату и встал под свет пляшущего факела.

Его длинные волосы были собраны в хвост на затылке, рост увеличился как минимум на два-три цуня, свободная одежда с широкими рукавами слегка облегла, возможно, из-за того, что кости наконец вытянулись, его фигура излучала очень элегантную и даже изысканную статью.

Неожиданно, при внимательном рассмотрении, можно было заметить легкие изменения в форме его нижней челюсти — контуры стали глубже, линии жестче, это уже не была та пленительная мягкая и изящная женственность, а добавилось нечто неопишное, яркое и ослепительное.

<http://bllate.org/book/15578/1387184>